

Л.В.Дьякова

«Этика протеста» против «Этики ответственности»: Чили и Уругвай — 2011

В статье анализируется проблема радикального политического протеста и его потенциальная опасность для ценностей политического развития и конструктивного диалога. Рассматриваются специфические ситуации в Чили и Уругвае, особое внимание уделяется роли молодежных организаций и общественных настроений.

Ключевые слова: политический протест, политика, компромисс.

Мы привыкли оценивать политический протест как позитивное явление, не задумываясь о том, в какой ситуации он развивается, против какого правительства направлен. Ведь протест — это реализация неотъемлемого права граждан на сопротивление несправедливой, жестокой или глупой политике властей. Протест всегда противопоставляет себя конформизму, соглашательству, компромиссу и поэтому романтичен, окрашен чувством самопожертвования и героизма. Протест расшатывает устои, презирает ценности социального мира и стабильности, не поступается принципами. Понятно, что на подобные действия, свойственные «протестным» политическим культурам, людей толкают отчаяние и невозможность добиться результата другими способами.

В то же время события, происходящие в мире, в частности, «арабская весна» 2011 г., возможно, заставят нас менее однозначно взглянуть на политический протест и задаться вопросом, который всегда волнует почему-то в первую очередь консерваторов: разрушить легко, а восстановить то, что было разрушено необдуманно и спонтанно, гораздо сложнее или просто невозможно. Общественные институты, социальные связи, сама культура политики как компромисса, как «мощного медленного бурения твердых пластов» (Макс Вебер, выдающийся немецкий социолог и политолог, 1864—1920), вообще не поддаются немедленной реконструкции, и после

Людмила Владимировна Дьякова — кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН (diakova65@mail.ru).

радикальных всплесков приходится долго ждать, когда же на политических руинах снова возникнет что-то цивилизованное. Получается, что во имя абсолютных, казалось бы, ценностей, за каждую из которых можно сутками стоять на какой-нибудь центральной площади, требуя бóльшей справедливости, или свободы, или неизбежного наказания за военные преступления, разрушается с огромным трудом созданная социальная ткань, и пропадает понятие политического диалога как необходимого условия достижения каких-либо целей вообще.

Применительно к Латинской Америке хотелось бы обратить внимание на события, которые пережили в 2011 г. две отнюдь неавторитарные и не-радикальные, а вполне стабильные, демократически успешные страны региона — Чили и Уругвай. На первый взгляд, это события разного плана, их нельзя было бы сравнивать в одной плоскости, если бы не соотносимость во времени и потенциальная опасность. С одной стороны, речь идет о студенческих и молодежных протестах, принявших в Чили массовый характер летом и осенью. С другой — об отмене 27 октября уругвайским парламентом знаменитого «Закона об утрате силы» («Ley de Caducidad»), по сути, закона об амнистии военных, совершивших преступления в период правления авторитарного режима (1973—1985 гг.). Казалось бы, можно только приветствовать непримиримый и героический настрой образованных молодых людей в Чили и полное восстановление исторической справедливости и позиций демократии в Уругвае. Однако есть настораживающие моменты, которые никак не позволяют это сделать.

И чилийская, и уругвайская ситуации имеют свою специфику.

Чили. Одним из основных положений предвыборной программы кандидата правых Себастьяна Пиньеры, занявшего затем пост главы государства на период с 2010 по 2014 г., обещавшего к 2018 г. превратить Чили в высокоразвитую страну, был акцент на улучшении качества и повышении эффективности всей системы образования. Чилийское образование считается одним из лучших в Латинской Америке, однако нынешний президент в своих выступлениях неоднократно отмечал его недостатки: несоответствие современным требованиям, неконкурентоспособность на мировом рынке, отставание в таких областях, как обучение точным дисциплинам и иностранным языкам¹. Амбициозный проект реформы был обнародован в ноябре 2010 г. и предполагал в первую очередь планомерное улучшение качества образования с помощью конкретных и довольно жестких мер (в том числе — увольнения 5% преподавательского состава, усиления полномочий администрации наряду с привлечением на педагогические факультеты университетов лучших выпускников школ). Реализация этой реформы связывалась с именем Хоакина Лавина, в тот момент министра образования, имеющего также большие политические планы. Однако в обществе были замечены не столько цели реформы, сколько средства, необходимые для их достижения. И эти меры, продуманные в железной логике неолиберализма, вызвали сначала критику, а затем протесты студентов и преподавателей, которые летом 2011 г. приобрели массовый и радикальный характер. Движение, поддержанное профсоюзами, возглавили влиятельные студенческие организации: Конфедерация студентов Чили, Федерация Университета Чили и Федерация Университета Сантьяго. Среди их лидеров

особую роль настоящего харизматика стала играть 23-летняя красавица Камила Вальехо*, член молодежной организации Компартии Чили и в 2011 г. — президент Федерации Университета Чили.

Главным объектом критики стала неготовность правительства преодолеть сегрегированность и несправедливость системы образования, обеспечить бесплатное высшее образование для всех желающих, так как в официальных планах речь шла лишь об адресных стипендиях и специальных кредитах, которые могли бы компенсировать затраты на обучение 60% учащейся молодежи из самых бедных слоев населения. Президент подчеркивал, что считает бессмысленным и неэффективным финансировать за счет госбюджета расходы богатых, которые традиционно оплачивают обучение своих детей. Принятие закона о бесплатном высшем образовании для всех потребовало бы также проведения специальной налоговой реформы, что трудно осуществить в условиях мирового экономического кризиса.

В июле 2011 г., стремясь разъяснить и оправдать свою позицию, правительство приняло «Национальное соглашение об образовании» («Gran Acuerdo Nacional por la Educación»), в котором были четко прописаны задачи и методы осуществления реформы². Предполагалось создать специальный фонд с капиталом в 4 млрд долл. для финансирования инновационных образовательных центров и подготовки профессоров и организаторов учебного процесса; с помощью адресных мер обеспечить доступ в университеты лучших учеников — выходцев из беднейших семей; разделить все университеты на три типа (государственные, традиционные негосударственные, частные нетрадиционные) с различным уровнем государственной поддержки. «Мы получим такую систему образования, которая вместо того, чтобы повторять социальные различия и неравенство из поколения в поколение, станет настоящей фабрикой возможностей», — неоднократно заявлял президент³.

Однако, апеллируя к рациональным доводам, усиленно критикуя старую модель за ее бюрократизацию и отставание от американских и европейских образцов, С.Пиньера не смог найти ни нужных слов, ни оптимальной формы для того, чтобы удачно представить обществу новый проект. Как бизнесмен и антикризисный менеджер, он сделал акцент на модернизации, повышении эффективности, прозрачности и четкости работы в первую очередь университетской системы, а также на ее дифференциации по принципу: самым лучшим и хорошо работающим — большую поддержку, уважение и статус. Известно, как тяжело на практике применить эту простую схему, особенно, если значительная часть общества не чувствует своей причастности к будущему успеху и не считает новую модель справедливой.

Неудивительно, что холодно продуманные реформистские проекты вызвали жестокую критику и беспрецедентную эскалацию студенческих протестов. Х.Лавин был вынужден уйти в отставку, на его место назначен Фелипе Бульнес, выпускник Гарварда, профессор гражданского права Католического университета Чили. Однако обе стороны, казалось, были уже не способны услышать друг друга. Многотысячные и многодневные студенческие демонстрации летом и осенью в Сантьяго, Вальпараисо и других

* Интервью с Камиллой Вальехо читайте в этом номере журнала на стр. 42.

Студенческие выступления в Сантьяго

городах сопровождалась жесткой реакцией карабинеров, с обеих сторон появились жертвы. Президент с горечью обвинил общество в отсутствии терпения, стремлении «получить все и сразу», в нежелании понять сложность национальных проблем и оценить кропотливую повседневную работу правительства, сумевшего за два года в сложнейших условиях в четыре раза увеличить количество рабочих мест, преодолеть последствия катастрофического землетрясения.

В то же время, хочется спросить: почему в этих сложных обстоятельствах не проявился талант публичного политика, показанный Пиньерой в ходе предвыборной кампании? Где был тот агрессивный пиар, который так успешно на весь мир демонстрировала президентская команда во время очевидно беспроблемной кампании по спасению горняков осенью 2010 г. и которого, по-видимому, оказалась совершенно лишена важнейшая из национальных реформ — реформа образования? Профессии политика, по мнению М.Вебера, не бывает без удачного сочетания двух несочетаемых качеств — «страсти и холодного глазомера». В данном случае страсти — как умения понимать и чувствовать ситуацию, настроение людей — было явно недостаточно.

С другой стороны, студенческие лидеры продолжали решительно защищать свои принципы и добиваться того, чтобы высшее образование стало государственным и бесплатным, доступным всем — как и полагается состоятельной и развитой стране, претендующей к тому же на реализацию модели «социального государства». Побывав в Европе, К.Вальехо открыто заявила, что полна оптимизма и видит реальную перспективу заставить правительство осуществить в Чили другую реформу образования⁴. Ирония (или даже трагизм) ситуации заключается в том, что социальное государство в Европе уже трещит по швам, с трудом неся бремя своих обязательств, и стремится либо реформировать пенсионную систему, либо со-

кратить социальные расходы и хоть как-то убедить свою общественность в необходимости и неизбежности этих мер. Коллапс Греции, казалось бы, должен всех научить жить по средствам. Однако на практике леворадикальные лидеры, воодушевленные бессмертной и, безусловно, прекрасной идеей справедливости, учатся другому: что можно блокировать любые инициативы и программы вполне адекватного правительства, не верить очевидным цифрам или считать, что они имеют отношение только к власти, а не к обществу; что можно призвать тысячи молодых людей к неконвенциональным формам политического поведения, не чувствуя за собой никакой ответственности. Конечно, и правительства, как правило, оказываются не на высоте, поздно оценивают ситуацию как кризисную и в итоге могут апеллировать лишь к рациональности, недооценивая эмоции. Однако бывают ситуации, когда одной рациональности явно недостаточно.

Итогами противостояния студентов и президента к осени 2011 г. стали радикализация общества и падение всех показателей, иллюстрирующих уровень удовлетворенности чилийцев своей жизнью, властью, успехами и имиджем страны. Так, по оценкам организации по изучению общественного мнения «Latinobarómetro» и ее главного аналитика Марты Лагос, в период с 2010 по 2011 г. среди чилийцев на 24 пункта упал уровень удовлетворенности демократией, доверия правительству и церкви; на 18 пунктов — уровень ожиданий в отношении будущего; на 13 пунктов — вера в то, что рыночная экономика и частные предприятия являются оптимальным путем развития для страны; на 12 — уверенность, что правительство, несмотря на его недостатки, работает на благо всех, и на 9 пунктов упала общая удовлетворенность жизнью⁵. Все эти показатели являются более низкими, чем в среднем по региону, и даже ниже, чем в менее развитых и гораздо более бедных странах. Как с горечью констатировала журналист и аналитик Консуэло Исарт, «у чилийского общества масса проблем, но оно, по крайней мере, долго существовало мирно». Теперь же речь идет уже о падении доверия к законно избранному президенту (его рейтинг в конце ноября 2011 г. опустился до 31%)⁶.

Означает ли это, что Чили вступила в полосу глубокого общественного разочарования достигнутыми результатами? Всем тем, что мы привыкли называть «чилийской моделью» развития и прямо или косвенно «ставить в пример» самим себе (прекрасно понимая несоизмеримость масштабов и проблем) и другим государствам региона? Или это неизбежный момент развития для страны, которая поставила себе слишком амбициозные цели, слишком выделилась на латиноамериканском фоне и теперь дорого платит за свою драму модернизации? А как же двадцатилетняя политическая работа коалиции «Concertación», ее модель осторожного, поступательного, «управляемого» движения вперед? Возможно, Пиньера оказался несвоевременной фигурой — пришел или слишком рано, когда общество еще не почувствовало возможных губительных последствий недостаточного развития, отставания в принципиальных областях, или слишком поздно. Возможно, в начале 2000-х, до гуманистически-ориентированного президентства Мишель Бачелет (2006—2010), его инициативы могли быть восприняты по-другому. На сегодняшний день ответа на этот вопрос нет, придется ждать конца президентского срока Пиньеры или еще более знаковых событий.

Ситуация в Уругвае на первый взгляд совершенно другого плана и в то же время очень похожа на чилийскую.

В настоящее время там у власти находится правительство левоцентристской коалиции Широкий фронт (Frente Amplio, FA), а избранный в 2009 г. президент Хосе Мухика в целом продолжает политику, начатую его предшественником Табаре Васкесом. На фоне стоящих перед Уругваем сложных социально-экономических проблем, заставляющих задуматься об исчерпанности модели «ограниченного неолиберализма», о нарастающем отставании от динамично развивающихся стран региона, на фоне регулярных забастовок и демонстраций госслужащих, недовольных сокращением зарплат, решение парламента отменить старый Закон об амнистии военных выглядит экзотическим и рискованным.

Этот (буквально) «Закон об утрате силы», т.е. об утрате права государства на судебное преследование военных и полицейских, совершивших, выполняя приказ или подчиняясь постановлениям режима, в 1973—1985 гг. преступления против человечности, был принят в 1985 г. президентом Хулио Мариа Сангинетти при поддержке двух ведущих партий страны — Национальной (Partido Nacional, PN) и Колорадо (Partido Colorado, PC). Его одобрение в тот момент нейтрализовало возможное сопротивление военных и обеспечило стране управляемость и безопасность перехода к демократии⁷. Свою роль, как отмечают уругвайские исследователи, сыграли страх перед новой конфронтацией, существовавший в обществе, и желание вернуть стране гражданский мир.

Помимо специфических условий демократизации, вопрос об отношении к военным в Уругвае, как в Аргентине и Чили, имел еще и определенный этический оттенок, сосуществовавший с однозначным признанием обществом крайней жестокости военных режимов. Это — концепция так называемой «симметричной вины», или «двух зол», предполагавшая равное распределение ответственности за приход авторитаризма между самими военными и леворадикальными силами, создавшими обстановку политического хаоса накануне трагедии. Свою долю вины несут и традиционные демократические партии, не обеспечившие в свое время ни порядок, ни легитимность власти. Это, с одной стороны, военно-партизанское движение «Тупамарос» и бездействие PN и PC — с другой. Результатами целого этапа исторического развития стали политическая «ничья» между ведущими игроками, разрушенные судьбы тысяч людей и необходимость заново начинать строительство цивилизованного политического пространства. В этой ситуации Закон об амнистии военных (подчеркивалось — выполнявших приказ) был подведением безрадостного, трагического для всего общества итога, который необходимо было принять, чтобы жить дальше.

Нельзя сказать, что этот закон даже в 1985 г. всеми был встречен спокойно и с пониманием. На протяжении 26 лет своего существования он неоднократно подвергался жесточайшей критике и два раза (!) обсуждался на национальных референдумах — в 1989 и 2009 гг., причем каждый раз вопрос о его отмене решался обществом отрицательно, хотя и с небольшим перевесом голосов. Самыми непримиримыми противниками оправдания военных с самого начала были правозащитная организация «Ассоциация матерей и родственников пропавших и задержанных уругвайцев» (La Asociación de Madres y Familiares de Uruguayos Detenidos y Desaparecidos, MFUDD) и

вдовы двух депутатов парламента (З.Мичелини и Э.Гутьерреса Руиса), убитых уругвайскими спецслужбами в Буэнос-Айресе. Они добились проведения первого референдума об отмене закона, собрав более 550 тыс. подписей. Однако 55,9% населения (в основном, жители провинций, а не Монтевидео) проголосовало за сохранение амнистии военных⁸.

Этот факт объяснялся многими причинами: страхом, желанием сохранить стабильность, большей отсталостью и консерватизмом провинциального общества, влиянием традиционных партий и лично президента Х.М.Сангинетти, ролью проправительственных СМИ и т.д. Столица, где уже была заметна популярность новой политической силы — ФА, — высказалась за отмену закона. Однако этого было недостаточно, и, как отмечает уругвайский автор, «национальная демократия росла без правды и справедливости» именно в те годы, когда память о событиях была еще свежа, а все их участники — молоды и активны⁹.

Первый президент-социалист Т.Васкес пытался решить этот вопрос осторожно, в духе компромисса, ссылаясь на то, что в законе есть статьи, позволяющие судить, во-первых, высокопоставленных чинов; во-вторых, за преступления, совершенные вне национальной территории (многие убийства и похищения были совершены в Буэнос-Айресе); в-третьих, гражданских лиц, причастных к правонарушениям; в-четвертых, за экономические преступления. Все эти пункты предоставляли определенные возможности национальному правосудию. В период президентства Васкеса (в 2006 г.) как «гражданские лица» были осуждены экс-президент Хуан Мариа Бордаберри, возглавивший военный переворот 27 июня 1973 г., и его министр иностранных дел Хуан Карлос Бланко — за организацию убийств, покушений и похищений людей по обе стороны р. Ла-Платы. В 2010 г. Х.М.Бордаберри получил 30 лет заключения и через год умер (находясь под домашним арестом по состоянию здоровья и возрасту). Кроме того, по инициативе президента группа известных историков начала работу в архивах спецслужб по изучению судебных пропавших без вести.

Серьезной попыткой продвинуться дальше по пути восстановления справедливости и гражданского согласия, не отменяя самого закона, стало объявление 20 июня 2007 г. (дата рождения борца за независимость и основателя государства Хосе Артигаса) Днем национального примирения «Никогда больше» («Nunca más»). Имелась в виду неприемлемость в будущем любых видов нарушения прав человека — будь то государственный терроризм или партизанская война. Однако нечеткое определение виновных породило противоречие в обществе: поддержку умеренных сил, в том числе со стороны бывших лидеров «Тупамарос» в рядах самого ФА, и недовольство наиболее радикальных фракций правящей коалиции и правозащитных организаций, увидевших в этой инициативе еще одно подтверждение чрезмерно соглашательской, по их мнению, политики властей.

Поводом для нового обострения споров об отмене «Закона об утрате силы» с 2006 г. послужила судьба молодой женщины — Макарены Гельман, которая была воспитана в приемной семье, близкой военному режиму. Впоследствии приемная мать призналась девушке, что ее настоящими родителями были аргентинцы, члены революционной организации, выданные уругвайскими военными своим аргентинским коллегам и убитые в Буэнос-Айресе. Дедом Макарены оказался аргентинский поэт Хуан Гельман, счи-

тавшей свою внучку пропавшей без вести. «Дело Макарены Гельман», требующей моральной компенсации за украденное у нее детство и погибших родителей, стало делом значительной части уругвайского общества. В марте 2011 г. Межамериканский суд по правам человека (Сан-Хосе, Коста-Рика) впервые признал Уругвай как государство виновным в преступлении против личности и обязал провести судебное расследование этого конкретного случая¹⁰. В январе 2012 г. уругвайское правительство обязалось выплатить М.Гельман 513 тыс. долл. в качестве материальной компенсации.

Макарена Гельман

Второй референдум о судьбе закона был проведен 25 октября 2009 г. одновременно с общенациональными президентскими выборами. На то, чтобы он все-таки состоялся, помимо истории М.Гельман, повлияло несколько важных факторов: непримиримая позиция национальных правозащитных организаций; мнение живущих за границей политэмигрантов (так называемых «Uruguay peregrino»), настаивающих на полномасштабном расследовании всех случаев нарушений прав человека; а также настроения молодежи, только вступающей в политическую жизнь на выборах 2009 г.

Позиция правящей коалиции была неоднозначной. В то время как наиболее радикальные группы являлись главными инициаторами референдума, умеренные и прагматично настроенные политики ФА, сторонники Т.Васкеса оказались в жесткой оппозиции, указывая на недопустимость попыток нового разделения политического пространства и общества. Будущий президент Х.Мухика высказывался крайне осторожно, не поддерживая идею о совмещении референдума с предстоящими президентскими выборами.

Несмотря на все противоречия, референдум был проведен, и его результаты оказались практически теми же, что и 20 лет назад: за отмену закона высказались 48% уругвайцев (столица и 13 из 19 департаментов страны), но для принятия легитимного решения этого количества голосов оказалось недостаточно, так как большинство населения все-таки было против¹¹.

В то же время избранный президент и новое правительство не могли поставить точку в драматическом конфликте, раз и навсегда приняв в качестве окончательных результаты последнего референдума. Решающую роль сыграли болезненное для национального самосознания ухудшение имиджа страны в латиноамериканском регионе после широкой огласки «дела Гельман» и решения Межамериканского суда по правам человека, а также выход на политическую сцену молодого поколения.

Вопрос о судьбе закона было решено перенести в парламент, который 27 октября 2011 г., после 12-часовых дебатов и многомесячных предшествующих споров, включая расхождения внутри самого ФА, принял историческое решение о его отмене (50 голосов «за», 40 «против»)¹². Теперь преступления, совершенные в период 1973—1985 гг. (убийства политических противников, похищения, пытки и другие акты насилия) должны быть расследованы, а совершившие их лица подвергнуты судебному преследованию.

Так уступка, заложенная когда-то в основание модели демократической трансформации, постепенно превратилась в острую, почти неразрешимую проблему, предмет споров политических противников и способ манипуляции общественным мнением. Когда-то это была жертва, принесенная правительством на алтарь демократии и гражданского мира; сегодня новое поколение граждан по-другому оценивает необходимость и оправданность подобного компромисса и требует восстановления справедливости.

Какая политическая линия является более верной, более ответственной? Любой ответ на этот вопрос будет чрезмерно субъективным. Необходимо принимать в расчет конкретную историческую ситуацию, политические возможности правящей элиты, настроения в обществе, традиции национальной политической культуры и т.д. Настораживает незначительный перевес в парламенте сторонников радикального решения вопроса над теми, кто, по разным причинам, не спешил отменять Закон об амнистии, считая его сохранение оправданным. Вряд ли все они хотят видеть Уругвай страной безнаказанных убийств и преступлений. Возможно, просто понимают свою ответственность по-другому — как необходимость акцентировать внимание на реальных проблемах развития, а не на бесконечном тиражировании популистских лозунгов в сложной экономической ситуации.

Например, президент Х.Мухика в своих выступлениях неоднократно говорил о том, что наступили тяжелые времена, а страна, по количеству населения занимающая в «лучшем случае один район Сан-Пауло» и самая «стареющая» в регионе, продолжает жить, как в годы «тучных коров»¹³. Необходимо принимать жесткие, непопулярные меры, реформировать всю структуру государственного управления, проводить сокращение госучреждений и госслужащих, оптимизацию госрасходов, повышать уровень образования в провинциях. Над страной нависли серьезные экономические проблемы, а работники предприятий — сетовал президент на сограждан, — опираясь на традиционно мощные профсоюзы, ведут себя, как хозяева, способные прекратить работу в любое время. Отметим, что об этом заявлял левоцентристский политик, бывший лидер радикальных революционеров, которого трудно заподозрить в особых симпатиях к неолиберализму, как, например, Пиньеру.

Значит, вызов, с которым сталкивается сегодня Уругвай, — не только в восстановлении исторической справедливости, наказании военных, внешнем торжестве демократии и т.д., но и в необходимости выбрать новую модель развития, разработать стратегию реформ (скорее всего, тяжелых и болезненных для общества). А это уже гораздо сложнее. Здесь одной борьбы за отмену раздражающего Закона об амнистии явно недостаточно.

Таким образом, и Чили, и Уругвай оказались в настоящее время в довольно сложной ситуации, хотя в каждой стране эти риски проявляются по-разному. От того, сумеют ли правительства и президенты адекватно от-

ветить на вызовы времени, развить и закрепить, а не разрушить, успехи предыдущих лет, в буквальном смысле слова зависит будущее. Размышляя об особой этике политика в мире, о его особой ответственности, остается только в очередной раз сослаться на великого М.Вебера: «Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если, с его точки зрения, мир окажется слишком глуп или слишком подл для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать «и все-таки!», — лишь тот имеет «профессиональное призвание» к политике». Имеют ли это призвание блестящий бизнесмен и менеджер Пиньера и бывший революционер Мухика — в настоящее время большой вопрос.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об этом см.: И.М. Кургузов. Должность президента стоит решения многолетней проблемы страны. — Латинская Америка, 2011, № 5.

² C. Y s a r t. ¿Protesas o propuestas? — <http://www.infolatam.com/2011/08/16/>

³ Mandatario reitera voluntad de lograr un gran acuerdo en educación. — <http://www.gobiernodechile.cl/>

⁴ C. Y s a r t. Chile, los estudiantes y la intransigencia. — <http://www.infolatam.com/2011/10/20/>

⁵ Chile al Desnudo. — <http://www.latinobarometro.org/>

⁶ C. Y s a r t. Op. cit.

⁷ Аналогом подобного закона в Чили является закон 1978 г. об амнистии военных, а в Испании — закон 1977 г.

⁸ A. B u r i a n o. Ley de Caducidad en Uruguay y esencia ético-política de la izquierda. — Perfiles latinoamericanos. Julio-diciembre de 2011, N 38, p.177—178.

⁹ Ibid., p.184.

¹⁰ Uruguay: presentan proyecto contra prescripción de delitos de la dictadura. — <http://www.infolatam.com/2011/09/22/>

¹¹ A. B u r i a n o. Op.cit.,p. 187—188.

¹² Uruguay: el Parlamento aprueba restablecer la capacidad punitiva del Estado. — <http://www.infolatam.com/2011/10/27/>

¹³ <http://www.elpais.com.uy/2010.05.10>

¹⁴ М. В е б е р. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. М., 1990, с. 706.